

Глава 15

Мораль и политика

Эта глава — не трактат о социальных проблемах перестроечного и постперестроечного времени. В стране есть ученые, институты, которые, располагая огромным материалом, смогут представить более глубокий анализ этих вопросов. Я же хочу остановиться здесь только на отдельных эпизодах социальной жизни и рассказать правду о тех или иных ее сторонах. Дело в том, что в наши дни вновь и вновь подтверждается, к сожалению, мысль французского философа XVII века о том, что прошлое фальсифицируется. Очерняя историю нашей страны, современные идеологи вместе с тем мифологизируют настоящее, мистифицируют будущее, чтобы принудить людей действовать не в своих, а в навязанных им ложных, при ближайшем рассмотрении, интересах и утопических целях. Расплачивается же за все это народ, и я вижу свою задачу в том, чтобы с помощью некоторых фактов объективно оценить ранее и ныне проводимые социальные преобразования.

Вряд ли найдется аналогия в современной истории других стран, когда в мирных условиях за два-три года произошел бы такой обвальный рост цен, жизненный уровень населения упал бы так резко и низко, когда люди в одночасье стали изполовину беднее, потеряв все накопления, которые доверили государству. А возьмем такой обобщающий показатель состояния общества, как средняя продолжительность жизни — она стала на 10—15 лет меньше, чем в развитых странах. Число смертей все больше опережает число рождений.

Культура, наука, образование хиреют на глазах, зато преступность приобретает невиданные масштабы и во все меньшей степени контролируется государством. Богатые нувориши имеют многомиллионные валютные счета за гра-

ницей, сорят деньгами, строят или покупают виллы-замки, здесь и за рубежом, а изо дня в день беднеющие люди стоят с протянутой рукой в городских подземных переходах или роются в мусорных ящиках.

Да и будущее страны выглядит не лучше. Возьмите хотя бы только один факт: нация начинает в основном потреблять продукты питания, не произведенные в стране, а импортные, расплачиваясь за них невосполнимыми сырьевыми ресурсами.

В основе экономического развития любого государства лежит производство продукции, товаров, услуг. Есть рост темпов экономики — есть движение вперед, нет — застой, отрицательные темпы — регресс. Кстати, вопрос о темпах всегда был на острие советской экономической науки, да и практики тоже. Не раз возникал он и в период перестройки. Я вспоминаю горячие речи Горбачева, утверждавшего, что нам не нужны высокие темпы. Сколько комиссий было создано для оправдания этого тезиса, застрявшего в голове Генсека! Копий у нас по этому поводу много поломали, а Япония и Китай между тем развивались темпами до 15 и более процентов в год — и никто там не делал из этого трагедии. Ведь все дело в том, за счет чего обеспечиваются высокие темпы. Хорошо, если это происходит за счет инвестиций в производство и совершенствования его структуры, научно-технического прогресса, повышения производительности труда, эффективных методов управления и хозяйствования. Плохо, если эти темпы растут за счет завышения цен, чрезмерного снижения затрат на потребление, распродажи национального богатства. Такие темпы — мыльный пузырь: долго не держатся, лишь мокрое место и радужные воспоминания. А теперь представьте себе, пожалуйста, в каком же состоянии находится российская экономика сегодня, если в ней действуют все эти, названные во втором случае, факторы, но даже «дутых» темпов роста при этом нет, а есть лишь вполне реальные темпы чудовищного падения!

Разумеется, планово-распределительная система имела свои недостатки. В частности, применявшиеся в ней низкие цены на продукцию неблагоприятно сказывались на истинных размерах потребностей, часто завышая их. Поэтому с конца 80-х годов мы в Правительстве делали шаг за шагом по пути развития прямых взаимоотношений заказчика и потребителя. Эволюционный путь реформ и стабильная политическая обстановка, на наш взгляд, давали возможность без потрясений для страны и народа перейти на рельсы

социально ориентированных рыночных отношений. Но, к сожалению, победил радикализм «шоковых терапевтов» со всеми негативными последствиями, о которых мы своевременно предупреждали общественность. Увы, здравый смысл не всегда, как известно, берет верх.

После «растерзанного» 1991 года — августовские события, декабрьский Беловежский сговор — наступил «шоковый» 1992 год. Пошел обвальный спад производства, который не останавливается вот уже четвертый год, несмотря на неоднократные заверения руководителей государства о скорой стабилизации и чуть ли не о росте производства. Конечно, катастрофическое положение экономики во многом определяется фактом развала СССР, разрушением сложнейшей системы хозяйственных связей на всей его территории, но главная причина заключена все же в ложной стратегии и беспомощной тактике проводимых Правительством псевдорыночных экономических реформ. Характерно, что если в 1993 году спад производства был в основном следствием именно разрыва хозяйственных связей, то в 1994 году начали к тому же проявлять свое действие факторы, связанные со снижением спроса и структурными изменениями.

Казалось бы, заметное наполнение, хотя и очень неравномерное по территории страны, внутреннего рынка товарами, исчезновение дефицита и очередей нужно отнести к позитивным результатам реформ. Однако положение в экономике оценивается не только по каким-то итогам, но и по тому, какой ценой они достигнуты. А мы видим, что сравнительное изобилие на магазинных полках возникло за счет огромного импорта товаров массового спроса при колоссальном падении выпуска отечественной продукции, высоких, продолжающих галопировать цен и резкого снижения покупательной способности населения и душевого потребления.

Приведу только несколько цифр, которые позволят судить о сложившейся ситуации. Итак, что же там за фасадом красивой витрины? Вот данные о производстве в России некоторых важнейших видов продукции легкой и пищевой промышленности:

— ткани, млн. кв. м.	в первом полугодии 1993 года — 3897, в первом полугодии 1994 года — 1327;
— обувь, млн. пар	в первом полугодии 1993 года — 161, в первом полугодии 1994 года — 37;
— мясо, тыс. тонн	в первом полугодии 1993 года — 2477, в первом полугодии 1994 года — 1164.

За годы «радикальных реформ» произошло резкое снижение потребления продуктов питания и товаров (в процентах):

	1990 г.	1993 г.
мясопродукты	100	57
молокопродукты	100	57
обувь	100	46
ткани	100	44

Сейчас 1990 год берется за основу, как при Советской власти за все в течение многих лет брался 1913 год. Вывод может быть сделан один: метастазы экономического кризиса продолжают скрытно поражать системы жизнеобеспечения общества.

Трагизм ситуации в нашей экономике подтверждают и сами отцы шоковой терапии — Ельцин и Гайдар. По признанию первого из них, экономика находится «на грани краха». По мнению же второго, продолжение в течение пяти лет такой политики бросит страну в «колониальную зависимость». Надо же! Уж не прозрение ли?

По данным Госкомстата России, ее экономическое отставание от США выросло за четыре года шоковых реформ на 64 процента. В соответствии с программой международных сопоставлений, Россия относится к странам среднего уровня развития и находится теперь примерно на 75-м (!) месте в мире. Тенденция к увеличению разрыва между уровнями развития России и передовых стран не только сохраняется, но и усиливается.

Сокращение промышленного производства приобрело обвальный характер. Его уровень в 94 году составил не более 50 процентов от 90-го. В течение 1991—1993 годов фактически произошло уничтожение экономического потенциала России. Мировая практика не знает подобных результатов реформирования: национальный доход за этот период уменьшился на 40 процентов. Для сравнения: с 1940 по 1945 год, то есть в тяжелейшее военное время, он снизился лишь на 17 процентов.

Развал производства всегда сопровождается массовой безработицей. Для нашего поколения это понятие являлось, можно сказать, абстрактным. Последний безработный в Москве — Михаил Шкунов — получил путевку на работу 13 марта 1930 года. На этом закончилась безработица в СССР. Однако в конце 80-х годов при разработке путей реформи-

рования экономики страны мы уже не могли игнорировать проблему безработицы: ученые-экономисты были убеждены, что рыночные отношения обязательно будут сопровождаться ею. Интересно, что некоторые из них считали это за благо. Не для себя, конечно. Я не мог разделить эту точку зрения и, в частности, приводил тот довод, что ни одна из партий, стремящихся к власти, никогда не провозглашала безработицу в качестве блага для народа. Все обстоит прямо противоположным образом.

К сожалению, произошло так, как хотели апологеты безработицы, которые считают, что она якобы является одной из движущих сил экономического развития. Когда я писал эти строки, были опубликованы данные Госкомстата России, согласно которым число безработных в 1994 году фактически составило 9 миллионов человек, или 12 процентов экономически активного населения. В 1995 году ожидается от 15 до 20 миллионов безработных. Социологические исследования показывают рост доли россиян, считающих, что им лично угрожает безработица.

За этой проблемой кроется вся материальная жизнь народа, весь социальный срез общества. Раньше в стране было немало сторонников значительной дифференциации доходов населения и не меньше защитников уравнилельных тенденций в этой сфере. Правительство же ставило перед собой и старалось решить непростую задачу: не допустить большого расслоения людей по уровню жизни и в то же время не усугублять тенденции к уравниловке. Я считал, что надо дать возможность хорошо зарабатывать людям талантливым и честно относящимся к своему труду, но в то же время не допустить увеличения разрыва в материальном положении высокообеспеченных и малообеспеченных слоев. И если посмотреть стенограммы моих публичных выступлений тех лет, то можно сделать вывод, что я даже обострял вопрос о малоимущих. В то время у нас было 15 процентов населения, живущего за чертой бедности. Это, в основном, пожилые люди и дети. И на вопросы журналистов о социальной политике я отвечал:

— Правительство должно в первую очередь беспокоиться и думать о тех, кто уже не работает, и тех, кто еще не работает. И Правительство обязано все делать для того, чтобы в стране не было бедных. Зажиточность каждого — основа богатства всей страны.

В 1990 году, по расчетам специалистов, соотношение доходов 10 процентов наименее обеспеченных людей к 10

процентам наиболее обеспеченных составляло 4,5 раза. Для сравнения: в Швеции этот показатель был тогда равен 3,5. Учитывая особенности нашего общества, мы считали, что такой показатель наиболее приемлем для нас, соответственно и строили социальную политику. Недавно же было опубликовано, что теперь разница доходов этих двух групп нашего населения составляет 15 раз, что мы уже обошли Германию и США, где самое сильное материальное расслоение общества.

Согласно расчетам Европейской экономической комиссии ООН, к беднейшим слоям населения следует относить тех, у кого годовой доход менее двух третей среднего по стране. В России эта группа составляет ныне около 40 процентов населения. По данным многочисленных исследований, в 1994 году 2 процента населения относили себя к людям, которые могут себе ни в чем не отказывать, 5 процентов способны купить холодильник, телевизор, но не могут позволить себе приобрести автомашину. Таким образом, богатые и обеспеченные люди в России составляют около 7 процентов населения. Третьей его части хватает средств лишь на питание и одежду, только на питание — 45 процентам, а 20 процентов людей вообще не могут себя прокормить. Стоит задуматься также над тем, что у 10 процентов россиян с минимальными доходами был сосредоточен лишь 1 процент общих денежных средств, а у 10 процентов населения с наибольшими доходами — 34 процента. Идет стремительная социальная поляризация: богатство концентрируется на одном полюсе, бедность — на другом.

Наш народ привык приспосабливаться к экстремальным условиям. Так было и в годы гражданской войны, и в Великую Отечественную. Когда я вспоминаю свое военное детство, всегда говорю спасибо картошке и свекле, которые выращивала мама в огороде. Многие из нас до 8—10 лет не знали, как выглядят конфета, сахар, печенье. И сейчас тоже большую помощь россиянам оказывают личные подсобные хозяйства, а для многих, особенно на периферии, они стали главным, а то и единственным источником существования. Растет натурализация потребления населения.

По моему мнению, сейчас уже надо думать, да нет — действовать, чтобы активное расслоение общества не переросло в социальную пропасть. Важно не просто перекрыть источники несправедливого — спекулятивного и криминального обогащения, но и сблизить доходы, снять проблему выживания, обеспечить достаточный уровень жизни для всех.

К сожалению, нынешние экономические программы и практические меры ориентируются на богатых, а не на основную массу населения, для которой бедность или угроза ее постоянно усиливаются вместе с продолжающимся падением производства и сокращением численности занятых в ходе губительной структурной перестройки, приватизации, в связи с ростом цен и тарифов и т. д.

Завершая эти размышления о дифференциации доходов населения, процитирую уважаемого мной академика Геннадия Васильевича Осипова:

«Уровень доходов становится одним из главных "классообразующих" признаков социального структурирования общества, оказывающим серьезное влияние на специфику социально-политических ориентаций богатых и бедных социальных слоев и групп.

В настоящее время нет никаких оснований утверждать о стабилизации уровня жизни населения. Все позитивные сдвиги, фиксируемые статистикой (рост денежных доходов, покупательной способности и др.), характеризуют лишь ускоренное обогащение 10—15% населения, которое при подсчете средних величин перекрывает тенденцию обнищания бедных, составляющих около 70% россиян. Массовое обнищание ведет к физическому истощению и вырождению народа. Очевидно, что национальное согласие и солидарность в российском обществе не могут быть достигнуты при сохранении тенденции его люмпенизации».

На одном из первых мест среди наиболее острых социальных проблем сегодняшнего времени стоит и преступность. Она вошла в жизнь каждого человека, в деятельность экономических и государственных структур. Не хочу злоупотреблять цифрами — соотечественники по себе знают, что такое уличный разгул преступности. В вечернее время люди боятся выйти на улицу. И ведь это в мирное время! Из литературы да и по личному опыту мы знаем, что подобное было после гражданской и Великой Отечественной войн. Но и в первом, и во втором случаях государство жестко и быстро подавило преступность.

В наше время она вышла на более «высокий» уровень: криминальный мир фактически контролирует торговлю автомобилями, игорные дома, проституцию, гостиничное хозяйство. Три четверти частных предприятий и коммерческих банков вынуждены платить 10—20 процентов дохода преступным группировкам. Рэкет добрался и до многих государственных предприятий! Затянувшиеся неудачи в рефор-

мировании экономики способствуют тому, что Россия превращается в рассадник организованной преступности в Европе, да и за ее пределами.

Особенность российской преступности заключается в том, что наряду с мафией в нее втягиваются и частное предпринимательство, и чиновничество. В борьбе за прибыль и в условиях непомерной терпимости к коррупции общества, органов правопорядка и, что еще хуже, высших чинов государственного управления начинает развиваться корпоративная преступность. Наиболее опасными видами ее являются сговор конкурентов по поводу удержания цен на высоком уровне и деятельность, наносящая ущерб здоровью людей и окружающей среде.

Курс на свободный, нерегулируемый рынок и ускоренную капитализацию народнохозяйственной жизни породил массу посредников, «лавочников», уличных торговцев, которые создали питательную среду для преступности или прямо участвуют в ее деятельности. Не имея ни капитала, ни особого желания включиться в процесс производства, созидания, они в условиях дестабилизации экономики пополняют преступную среду и образуют слой, способный к политическому экстремизму. За примером далеко ходить не надо: вспомните Германию и Италию 30-х годов.

На мой взгляд, есть две основные причины криминализации обстановки в нашей стране. Первая — результат тяжелейшего социально-экономического положения. Вторая — ошибочность подхода к проблеме преступности со стороны руководства. О первой причине я уже сказал. О второй же стоит поговорить немного подробнее.

В конце 80-х годов при прямом участии Горбачева стала пропагандироваться идея, что у нас, мол, полицейское государство, что больше миллиона людей сидят в тюрьмах, и многие из них — за какую-то малость. Настойчиво проводилась мысль, в том числе и на Политбюро, что основной упор надо делать на экономическое, а не на правовое воздействие. Все это провозглашалось в связи с задачей демократизации общества. Конечно, такие идеи были немедленно подхвачены газетами, телевидением, кино. Из заключенных стали делать романтических героев, а из милиции — дураков.

Особенно усердствовал в этом отношении журнал «Огонек». Его главный редактор Коротич в то время еще жил в Москве, еще не остыл от своей собственной беспощадной критики Соединенных Штатов, где сейчас благополучно

пробывает. А тогда он устроил всемирный плач о судьбах преступников в СССР. Он стал их всех романтизировать и представлять общественности в качестве жертв тоталитарного режима.

Диссонансом хору радетелей за преступников прозвучали произведения писателя Варлама Шаламова, который двадцать лет провел в лагерях и знал тамошнюю жизнь изнутри. Он ярко, талантливо показал ужасы сталинской машины репрессий, а говоря об уголовниках, нарисовал их истинное лицо, снял романтический налет с этой публики. Но кто-то не читал его повестей и рассказов, а кому-то было ни к чему у него учиться: ведь цели-то были другие. Тех, кто выступал против огульного всепрощения преступников, немедленно причисляли к консерваторам. Я тоже попал в их число, и свидетельство тому — множество всяких карикатур на меня в газетах определенного толка. Один журналист как-то спросил, почему я занимаю такую позицию. Я, помню, в сердцах задал ему встречный вопрос:

— А как бы вы отнеслись к этой проблеме, если бы изнасиловали вашу жену или дочь? Неужели удовлетворились бы денежным штрафом?

Ответ последовал в таких выражениях, которые я не рискну привести в книге. Да и фамилию известного журналиста тоже называть по такому поводу не стоит...

Видя такое положение, мы решили заслушать на заседании Правительства министра внутренних дел Бакатина. Я уже говорил, что это министерство, наряду с КГБ, МИД и Минобороны, занимало особое положение — оно было, по существу, непосредственно при Генсеке, как, впрочем, и сейчас министр внутренних дел находится под крылом Президента. Естественно, что Бакатин отражал позицию Горбачева. Его вывод, помню, был однозначен: в росте преступности виновна экономическая среда, но никак не недостатки в работе МВД и органов.

Реакция членов Правительства была ярко выраженной негативной. Мы понимали, что питательная среда в экономике для роста преступности есть, что нужна общегосударственная программа борьбы с нею, что под нее требуются средства, что правоохранительным органам не обойтись без серьезной поддержки со стороны государства и общественности. Однако до отставки Правительства времени оставалось уже совсем немного, и мы успели сделать в этих направлениях только первые шаги. Бакатин же за свое «демократическое» отношение к проблемам правопорядка

попал в члены Президентского совета, а 23 августа 1991 года был направлен Горбачевым в КГБ в качестве его Председателя для... «избавления от КГБ» (фраза из названия книги Бакатина). Он это и выполнил и даже не прореагировал на крупнейшее государственное преступление, совершенное декабрьской ночью того же года в Беловежской пуще.

Что же делать теперь? Учитывая горький опыт прошлых лет, следует существенно пересмотреть Уголовный кодекс страны, ужесточив в нем ответственность за тяжкие преступления, развивающиеся в новых социально-экономических условиях невиданными темпами. Нынешняя либерализация уголовной политики привела к тому, что реально лишению свободы подвергаются (по данным за 1992 год) не более 35 процентов преступников. Сравните: в 78 году такому наказанию подверглись 56 процентов лиц, совершивших уголовные правонарушения. Около 100 тысяч обвиняемых находятся в бегах — они были отпущены под залог, поручительство или подписку о невыезде.

Преступность, на мой взгляд, не будет подавлена до тех пор, пока не искореним коррупцию в высших эшелонах власти. У нас достаточно сильный репрессивный аппарат, чтобы очень быстро подавить все виды преступности, но некому отдавать команды: все повязаны одной веревкой. Вспомните, что произошло, когда Александр Владимирович Руцкой пообещал дать ход собранным документам о коррупции в верхних эшелонах власти! Его ведь размазали по стене. Извинились ли Макаров, Калмыков и Илюшенко за ложь и клевету? Нет! И пока эти и им подобные люди находятся у власти, преступность будет процветать. А организованная преступность уже имеет в настоящее время все возможности для того, чтобы влиться в любые структуры всех ветвей власти.

Размышляя о связи чрезмерного разрыва между доходами различных групп населения и ростом преступности, невольно думаешь и о недавнем прошлом. Во второй половине 1989 года в стране стала настойчиво проводиться мысль о необходимости денежной реформы. Толчком к этому стали быстро и значительно возросшие доходы кооператоров, людей, работающих на аренде, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. Конечно, не все эти доходы, к сожалению, были прямым следствием интенсивной и высокоэффективной работы, но вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что люди стали более инициативными, более на-

стойчивыми в организации производства, поиске рынков сбыта для своей продукции и т. д. Отсюда и рост доходов не заставил себя ждать. Можно даже сказать, что в этом секторе народного хозяйства наш старый принцип «каждому — по его труду» получил более полное воплощение. Но именно это-то многим и не понравилось. Традиционное российское: пусть сосед живет не лучше, чем я, — начало сказываться. Уравниловка, против которой выступали многие лидеры рабочего и профсоюзного движения, оказалась живучей. Особенно активно в этом отношении вели себя профсоюзы, а в то время они имели достаточные силы и авторитет. Это уже потом, при «демократии», они сникли.

Наше тогдашнее Правительство решительно высказывалось против идеи денежной реформы, объясняло пагубность ее. Мы приводили примеры из отечественной и зарубежной практики денежных реформ, подчеркивали, что они проводились, как правило, при экономическом подъеме. Настораживал и характер предлагавшейся реформы. На Втором съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 года я был вынужден сказать об этом в своем докладе:

«Что касается денежной реформы в том варианте, как она предлагается, то есть с регрессивным обменом денег, то надо иметь в виду, что такая реформа может лишь на время сократить неудовлетворенный спрос. Она не устранил причины, порождающие разбалансированность рынка. Вместе с тем, дав весьма незначительные результаты в экономической сфере, реформа вызовет крайне отрицательные социальные последствия. При ее проведении наибольший ущерб будет нанесен людям, имеющим действительно трудовые сбережения. Надо учитывать и то обстоятельство, что она надолго подорвет доверие народа к государству, не способному решать насущные экономические проблемы, не принося в жертву интересы людей!» Разве это было неправильно?

Через два месяца после этого выступления я посетил шахтерский край — Воркуту. При встречах под землей с бригадами горняков, естественно, возникал и вопрос о денежной реформе. Отголоски московских разговоров о ней дошли и до Крайнего Севера. Шахтеры были весьма обеспокоены:

— Мы работаем здесь в таких условиях по десять и более лет с тем, чтобы, заработав деньги, купить на «материке» дом или квартиру, автомобиль и обеспечить материально свою дальнейшую жизнь. Кому и во имя чего

потребовалась денежная реформа? Не окажемся ли мы среди тех, кто нажил деньги неструдовым способом? Кто будет судить об этом? Не ошибутся ли они при этом?

Таковыми вот были разговоры в феврале 1990 года. Из них я сделал для себя окончательный вывод, что профсоюзы популистски подыгрывают определенным слоям населения за счет других, куда более широких. После этого я еще решительнее отбивал все предложения по поводу денежной реформы.

Думаю, здесь будет уместно сказать вкратце и об обмене в январе 1991 года 50- и 100-рублевых купюр, тем более что я еще никогда не писал об этом и публично не говорил. Эта «реформа» проходила уже после моего ухода с поста главы Правительства, но история ее мне известна.

Летом 1990 года мне была передана от Горбачева записка министра финансов В. С. Павлова, будущего премьер-министра Кабинета при Президенте СССР. В ней предлагалось в одночасье провести обмен денежных купюр достоинством 50 и 100 рублей. В целях сохранения секретности записка была даже не напечатана на машинке, а написана от руки. Основным аргументом для этой акции было то, что купюры этого достоинства якобы в больших количествах находятся за рубежом. Кроме того, именно в этих купюрах обычно хранятся «теневые деньги», которые в силу известных причин не попадают в сберегательные банки. Косвенным признаком этого было то, что стоимость таких купюр на черном рынке была на 10 процентов выше номинала.

Получив этот документ, я запросил Главное таможенное управление, не открывая при этом истинной причины своего интереса: какие купюры уходят нелегально за рубеж? Получил ответ: в основном, 10-рублевые. Конечно, я понимал, что в той, до крайности накаленной политической атмосфере такая одновременная акция вызовет крайне негативную реакцию в стране. Если уж требуется заменить какие-либо купюры, то надо это делать как полагается: оповестить людей о том, что выпускаются новые купюры вместо старых, и в такой-то определенный срок они будут действовать равноценно. Поэтому я без какого-либо энтузиазма воспринял это предложение. И ничего делать не собирался.

В августе 1990-го с юга, где он находился в отпуске, мне позвонил Горбачев и стал интересоваться судьбой этого предложения. Я сказал ему, что вопрос чрезвычайно серьезный, и его следует основательно проанализировать, об-

судить, и не надо сейчас форсировать его. По приезде из отпуска он снова стал напоминать мне об этом. И тогда я понял, что либо кто-то за моей спиной действует, либо один из помощников Горбачева держит постоянно этот вопрос на контроле. Я снова отказался сделать такой шаг, так как в это время страна становилась все более неуправляемой, и никто толком не знал, как и по каким правилам придется жить в наступающем, 1991 году. До этого ли было?! И вот не прошло и десяти дней после моей официальной отставки, как с криком и шумом стала проводиться эта никому не нужная финансовая операция. Уверен, что результаты ее читателю известны — хотя бы по личному опыту.

Еще более драматичной оказалась история с вкладами населения в сбербанки, со сбережениями народа. Несмотря на небольшой процент, выплачиваемый по вкладам, сберегательная система была, можно сказать, олицетворением стабильности; привлекала людей и пользовалась достаточно высокой репутацией. Народ верил, что государство гарантирует сохранность его сбережений. Учитывая, что ежегодно расходная и доходная части бюджета сводились с большим трудом, периодически возникали предложения внести те или иные изменения в сберегательную систему. В основном это касалось процентных ставок или налога на большие вклады. Я всегда отрицательно относился к этим «новшествам». Нельзя было здесь нарушать стабильность, подрывать веру людей в государство. Ведь любое изменение сложившейся практики немедленно вызывало массовое противодействие. Например, после денежной реформы 1947 года, когда часть вкладов менялась один к одному, а остальная — один к десяти, прошло уже 40 лет, а люди, помня о том своем опыте, продолжали дробить свои вклады и помещать их в нескольких сбербанках.

Сберегательная система страны играла большую роль в формировании государственного бюджета — ведь значительные суммы поступающих сбережений вовлекались в финансовый оборот страны. Весной 1990 года при разработке предложений по переходу на рыночные отношения наряду с другими проблемами очень остро встал вопрос об индексировании вкладов. У нас не было даже мысли о том, чтобы этого не делать. Мы думали только о том, как это делать и какую долю при повышении цен компенсировать.

Напомню, что правительственную программу тогда тор-

педировали. В следующем, 1991 году премьер-министр Павлов при двукратном повышении цен все же индексировал вклады на 40 процентов. Но уж совершенно беспощадный удар по населению страны был нанесен 2 января 1992 года, когда тандем Ельцин—Гайдар принял решение проводить реформы методом «шоковой терапии», либерализации цен. Началось безжалостное и массовое обворовывание народа. Через несколько месяцев вклады населения превратились в воспоминание. Ни одно предыдущее правительство не могло позволить себе подобного цинизма. Совершенно беспардонно, без всяких объяснений и извинений перед народом, в одночасье средства, накопленные за годы, а порой и за десятилетия, эти двое и их пособники превратили в пыль. При каком демократическом руководстве в любой стране подобное могло случиться? А у нас после содеянного такую публику пропаганда преподносит в качестве ярких, истинно демократических личностей...

Мне представляется, что в этом веке в нашей стране произошли две крупнейшие акции подобного рода. В 1917-м отняли богатства у людей с достатком, национализировав их недвижимость и вклады в банках. Ну, а в 1992-м обобрали всех, но больше пострадали самые бедные, особенно — старики, которые, отрывая рубли от скудных доходов, копили «тысячу» для своих достойных похорон. А ныне, в том числе и по этой причине, хоронят людей без гробов, в целлофановых мешках, а часто и вовсе не забирают из морга. И заметьте: круг обобранных все время расширяется.

Ну, а уж если я заговорил об обнищании людей, самое время и место затронуть и вопросы здравоохранения. Голод, холод, болезни, бедность и неуверенность в завтрашнем дне являются главными факторами снижения рождаемости и преждевременной смерти моих соотечественников, депопуляции, а по-простому — вымирания нации. Основной заботой моего Правительства было стремление улучшить общее положение в области здравоохранения. И это естественно — забота о здоровье человека, также как и о его культуре, обеспечивает и моральный, и экономический потенциал народа.

Вместе с тем в поле нашего зрения были и конкретные, локальные, наиболее злободневные проблемы, которые требовали быстрого и радикального решения. Похоже, рука сама написала это ключевое слово — «зрение», потому что в качестве примера я хочу рассказать именно об этой проблеме.

В начале 80-х годов, работая в Госплане СССР, я слышал от Николая Константиновича Байбакова о новом методе лечения глазных болезней хирургом-офтальмологом Святославом Николасвичем Федоровым. Смысл этого направления в медицине заключался не только в нетрадиционной теоретической основе, но и в необычной организации хирургических вмешательств и лечебных приемов. Меня, много лет проработавшего в машиностроении, поразило то, что он ввел в систему хирургии принципы массового производства, родоначальником которого еще в начале века был знаменитый Генри Форд.

Время от времени в печати стали появляться публикации о методе Федорова. А став главой Правительства, я все чаще и чаще сталкивался с информацией профсоюзов, Минздрава, Госкомтруда о масштабах и значении проблемы глазных заболеваний. Ежегодно сотни тысяч людей теряли зрение, трудоспособность. Ведь через глаза человек получает 95 процентов информации об окружающем мире. И недаром древнегреческий философ Платон говорил, что «из органов боги прежде всего устроили светоносные глаза». Во все времена люди больше всего боялись потерять именно зрение — «береги как зеницу ока». В древности на Руси самым чудовищным наказанием считалось ослепление, ставшее синонимом изуверства.

В общем, я все глубже осознавал и человеческий, и государственный аспекты этой проблемы. Да и Федоров, к чести его, не уставал будоражить общественное мнение. В одном из интервью он сказал: «В чем назначение врача? Помочь как можно большему количеству людей, сделать это на уровне современных достижений науки. Мы сейчас стали чаще говорить о том, как изнурительна любая очередь. В магазине. За билетом на поезд. А что тогда сказать об очереди на лечение, на обследование? Об очереди на операцию, которая состоит из слепых и тех, кто плохо видит, кому угрожает слепота? Я глубоко убежден: такая очередь — явление абсолютно недопустимое». Надо было встретиться с этим неординарным человеком, тем более что он и сам попросился ко мне на прием.

В один из вечеров я принял его в Кремле. Беседа была длительной и, конечно, в основном о ситуации с глазными заболеваниями в стране. Слабая материальная база, немногие специализированные на них медицинские центры не давали возможности масштабно и быстро решить эту проблему.

По информации моего собеседника, общая потребность в хирургической помощи офтальмологов оценивалась в 850 тысяч операций в год. Удовлетворялось же менее половины потребности. Даже мне, не специалисту, стало ясно, что оздоровить обстановку в этой сфере в короткие сроки можно, лишь опираясь на метод Федорова, его организацию работ. Но в то время он и его ученики могли выполнить всего 5 процентов от общего числа операций.

В заключение нашей беседы состоялся примерно такой диалог:

— Святослав Николаевич, я понимаю, что вы пришли ко мне не для того только, чтобы лично познакомиться. Заочно я вас знаю. Надо полагать, что у вас есть какие-то предложения, требующие решения Правительства.

— Да, действительно, нам нужна помощь. Материальная база в Москве требует значительного расширения. По возможности хотелось бы увеличить число операций. Необходимо также изготовление специальных инструментов и элементов для глаза.

И он показал проект здания, где можно было бы в соответствии с методикой его института частично решить проблемы глазных заболеваний.

— Сейчас люди ждут очереди три года. Если мы окажем вам эту помощь, будут ждать на два месяца меньше. Это ведь не решение проблемы в государственном масштабе. Давайте создадим в стране несколько ваших филиалов, именно вашего института, и в течение нескольких лет при помощи вашего метода решим эту крайне злободневную проблему во всей стране.

Известный в будущем хирург и предприниматель не был готов к такому крутому повороту, но по его глазам я понял, что эта идея его захватывает. Договорились, что он подумает и в ближайшее время даст знать о своем решении. Действительно, через несколько дней он сообщил, что согласен с моим предложением. Сравнительно быстро был подготовлен проект постановления Совета Министров, которым намечалось сооружение основной базы института в Москве и одиннадцати филиалов в разных городах страны. Для ускорения решения задачи к строительству были подключены финские фирмы. Президиум Совета Министров одобрил этот документ.

Строительство пошло энергичными темпами. Филиалы входили в строй один за другим. Резко увеличилось количество сделанных операций, сократились очереди. Нужда-

ющиеся в лечении люди обрели надежду в ближайшее время увидеть мир своими глазами.

Так была решена проблема глазных операций, и я хочу от души поблагодарить людей, стоявших у истоков этой проблемы и решивших ее. Уже сотни тысяч людей вновь обрели зрение, и, возможно, кто-то из них прочтет эти строки. Недавно я узнал, что система Федорова обеспечивает сейчас около 300 тысяч, или половину, операций в стране.

Ну, а о том, что это значит для самих пациентов, говорит одно из многих писем в мой адрес, которое я приведу без каких-либо изъятий:

«Мы, выздоравливая после операции и слушая по радио первомайские торжества, единодушно решили выразить Вам, как сумели в этом письме, нашу человеческую, ветеранскую, от всего сердца, от всей души благодарность, что Вы, уважаемый Николай Иванович, своим решением о выделении средств на излечение глазных болезней по методу Федорова сделали для людей нашей Родины поистине в высшей мере патриотический, наибогороднейший поступок.

Ведь Родина наша — это, прежде всего, ее люди, их души. А слепота отнимает важнейшие качества человека — творить, созидать, быть счастливым и делать счастливыми других. Вы своим решением выделения средств Федорову осчастливили миллионы советских людей, вернули их к труду, многих подняли с постели, освободили от поводырей. Верьте, что наши сердца, увидевшие свет обоими глазами, рвутся Вас обнять, по-мужски, по-ветерански, со слезой радости на глазах обнять и поцеловать как родного отца. Спасибо, большое спасибо Вам за это. И, видя, понимая и чувствуя страдания людей, оказавшихся в таком положении, как мы, уверены, что под этим письмом подпишутся миллионы мужчин, женщин (а здесь, в клинике, есть целый этаж детский).

Мы понимаем тяжелое экономическое и финансовое положение страны, но Вы в этой нелегкой обстановке пошли на такие затраты ради здоровья людей. Верьте, что люди, благодарные Вам, все свои силы отдадут осуществлению задач перестройки.

Спасибо Вам! Здоровья и счастья Вам!

Жмем Ваши руки своими трудовыми руками как длинному Другу народа!

С уважением к Вам

М. Скабаров
П. Панасюк

2 мая 1989 г.».

Такое письмо греет душу само по себе, в любых обстоятельствах. А в обстановке все нараставшего со стороны определенных сил поношения Правительства эти строки с оценкой его действий были особенно дороги для всех членов Президиума Совета Министров, поддержавших С. Н. Федорова. Но, конечно, все это стало возможным и потому, что дело возглавил очень энергичный человек. В Святославе Николаевиче сочетаются замечательные качества: большого специалиста, не менее талантливого предпринимателя-экономиста и подлинного гуманиста. И, кстати, мне очень импонируют его экономические идеи, тесно связанные с социальными и нравственно-психологическими, а главное — с практикой работы и жизни возглавляемых им коллективов предприятий и организаций.

И в заключение этой части рассказа маленький эпизод. Вспоминаю одну из встреч со Святославом Николаевичем в его институте. После ознакомления с работой специалистов он с супругой пригласили Людмилу Сергеевну и меня выпить по чашке чая. Разговор постепенно першел на общие темы. И вдруг:

— Николай Иванович, почему бы вам не купить себе лошадь? Живете вы на даче, есть где поездить за городом. У меня их две.

Шел 1989 год. «Демпресса» и некоторые воители с привилегиями уже развернули всю кампанию по превращению Рыжкова из всегдашнего реформатора в замшелого консерватора. Усмехнувшись, помню, ответил:

— Если я даже себе куплю козу, то она непременно будет раздута до размеров слона. Нет уж, что можно вам, то недоступно нам.

И как же я был прав тогда! Через пару лет в нескольких газетах появились «откровения» моего якобы бывшего охранника. С каким смаком преподносилось, что этот бедняжка как-то утром прогуливал собаку моего зятя! Однако произошла существенная неувязка — у зятя тогда была кошка, а не собака, а кошка, как известно, гуляет сама по себе. Но это уже никого не интересовало, и маленькая ложь взрослого человека покатила дальше сама по себе...

Сегодня, однако, вопрос о «руководящих лошадях» решается куда проще. Теперь в газетах подробно рассказывается о том, что президентская и правительственная конница спокойно располагается в ближнем Подмоскowie. Не отстают от «небожителей» и начальники более низкого ранга. Но все они — люди государственные, занятые, и им,

конечно, некогда ухаживать за этими дорогостоящими подарками глав ныне суверенных государств. Правда, газеты не скрывают, что для этого есть симпатичные девочки, которые ухаживают за прекрасными животными...

Мы все же как-то думали больше о людях, хотя и не все сумели и успели сделать из намеченного, в том числе и в здравоохранении. Но вот сегодня его положение, как всем известно, тяжелейшее. Таких лечебных специализированных комплексов, как у С. Н. Федорова, считанные единицы, да и они задавлены экономическим прессом и нынешней бюрократией. Теперь в медицине за все надо платить — и большие деньги: за каждые сутки пребывания в стационаре, за лекарства, за рентгеновский снимок, за больничный уход и т. д. Многим пожилым людям пенсии не хватает даже на самые необходимые лекарства. А ведь надо платить еще и за питание, жилье, одежду...

Люди спрашивают друг друга, во имя чего и кого проводятся в стране «шоковые» реформы? Если они осуществляются не для народа, то для кого? Для Гайдара и его компании? Для Международного валютного фонда? Перестроечная идея дополнения бесплатного здравоохранения платными услугами необязательного характера (косметика и т. д.) вывернута наизнанку. Как великие события преподносятся сегодня благотворительные обеды для бедных и одиноких стариков. Стыдно смотреть на это. Если уж у вас, богатых, проснулась жалость к старикам, не выставляйте это на обзор миллионам, помогите ограбленным от души, от сердца, а не для рекламы.

Не из-за какого-то злорадства, а справедливости ради напомним, как ниспровергатели «тоталитарной большевистской» системы использовали в политических целях недостатки в области здравоохранения. Вместо того чтобы подтягивать всю медицину к уровню ведомственных лечебных учреждений, лучших заводских, министерских и Главного Четвертого управления Минздрава, была развернута фантастически истеричная кампания по их ликвидации. Острые критики, конечно, было направлено на объекты этого Управления. Для вящей убедительности торжества социальной справедливости и единства нового руководства с народом будущий Президент России демонстративно, под многочисленными телесобъективами, в присутствии созванной по этому поводу прессы, встал на учет в районной поликлинике. Видно, историки долго будут искать этот очаг здравоохранения, как когда-то искали шахту Хрущева. Но, может

быть, расплотившиеся ныне соратники Президента во всех ветвях власти лечатся в переполненных районных поликлиниках, а заболев, лежат без постельного белья, в холоде и грязи городских больниц? Что-то о таких фактах людям не известно, а вот о действительном состоянии «народного» здравоохранения известно слишком хорошо, потому что оно прямым образом отражается на их повседневной жизни. Такова цена демагогии, цена лживых и пустых обещаний беспомощных или просто до предела циничных «управителей».

Не могу не затронуть в этой главе и проблемы культуры в широком смысле этого слова. Роль труда ученых, педагогов, писателей и других представителей этой сферы жизни общества стала ключевой в создании не только духовных, но, пусть опосредованно, и материальных благ, в решении экономических и социальных вопросов. Совершенно справедливо писал наш известный экономист М. И. Туган-Барановский, ряд трудов которого стал доступен сейчас широкому читателю: «Общественный продукт следует рассматривать как создание всего общественного труда — не только труда рабочих, но и духовного труда общества во всех областях...»

Уже десять лет страна находится в состоянии реформирования, разного и даже противоположного по целям и методам их достижения. С конца 91 года прошли бурные и страшные по своим последствиям политические реформы — их ценой стало уничтожение единого и великого государства. Экономические реформы в «шоковом» варианте привели к тому, что деньги для все большего числа людей становятся главным нравственным мерилем. Их у нас, как и во всем мире, народ умел считать и раньше, но они, как говорится, знали свое место. И никогда в массовом, в общественном сознании они не были главной целью жизни. И я от всей души надеюсь, что, как бы ни стремились «монетарные реформаторы» убить в людях духовность, она вернет себе подобающие ей позиции. Этим и отличалась всегда Россия от других стран — ведь «у ней особенная статья». Да это должны были бы понять и нынешние вершители народных судеб, хотя бы потому, что дальнейшая судьба даже их «реформ» в конечном счете зависит от того, будет ли коренным образом изменено сложившееся положение в духовной сфере, в науке, образовании, культуре вообще.

Многочисленные проблемы страны тяжелым прессом давили и на мое Правительство, но тем не менее мы считали

своим долгом в максимально возможной степени решать вопросы культуры. Я прекрасно понимал ее историческое значение в нашем обществе и, присматриваясь к рыночной психологии западных стран, невольно опасался нанесения ущерба отечественным культурным ценностям и традициям. Выступая на Съезде народных депутатов СССР и говоря об экономических проблемах, я высказал тревогу в связи с тем, что делается упор только на полки магазинов. Верно заметил Василий Макарович Шукшин: «Нам бы про душу не забыть...»

Тревога эта, увы, оправдалась сейчас с лихвой. В годы работы Правительства Рыжкова в стране строились дома и дворцы культуры, театры, музеи. Была программа развития этой сферы. К сожалению, она, как и многие другие, теперь пошла «под нож», точнее — под тупой топор антинародных, даже антинациональных преобразований постперестроечного времени. Как информация с какой-то другой планеты, звучат сегодня редкие сообщения о том, что где-то в России строится новый театр или музей. В основном же стоят почерневшие и заржавевшие каркасы недостроенных зданий объектов культуры. Впрочем, не сомневаюсь, что к ним уже присмотрелись новые «хозяева», чтобы, купив по дешевке, доделать и переделать их под склады, торговые точки и офисы.

На этом фоне я с особенным удовольствием вспоминаю историю реконструкции цирка на Цветном бульваре в Москве. Мне рассказывали, что из-за крайней ветхости он закрыт, а что делается с сооружением нового на этом месте, толком я не знал. Известно было лишь, что оно затягивается на долгое время. С директором цирка Юрием Владимировичем Никулиным я был знаком лишь как кино- и телезритель и всегда восхищался его талантом. Он был всеобщим любимцем публики. Клоуны Карандаш, Попов, Никулин... какая странная и загадочная профессия! Казалось бы, роль клоунов — смешить людей, но мировая литература, начиная от Шекспира и Гюго, заносит их в списки глубоко трагедийных персонажей. По-видимому, в этом оригинальном виде искусства проявляются доведенные до шаржа противоречия действительности. Как сатирики эстрады, так и клоуны всегда откликаются на злободневные вопросы жизни.

Мне доложили, что просит встречи со мной Ю. В. Никулин. Естественно, такие контакты требуют подготовки и изучения возможных проблем. Мои помощники подробно ознакомили меня с бедами Старого цирка. Передо мной

сейчас лежит книга, подаренная его директором в день нашей встречи. Под дарственной надписью дата — 5 сентября 1986 года. Дальше я процитирую одно из его интервью:

«Просто не верится: в октябре позапрошлого года была закладка первого камня, а уже через два года новый цирк «зажигает огни». В наши дни это — фантастика!

Для меня была радость, что идут к концу четыре года перерыва, ведь практически два из них ушли на поиски денег. Здание сгнило, речь шла не о реконструкции, а о новом строительстве. Я был в панике — денег никто не давал, многие не понимали, разговаривали только по телефону. Единственным человеком, кто откликнулся на мое письмо, был Николай Иванович Рыжков. В своем заявлении я просил его принять меня на три с половиной минуты, чтобы он знал, как я берегу его время.

Пришли втроем — Ирина Бугримова, Олег Попов и я. Сидим, разговариваем на разные темы — о тиграх, львах, клоунах, он стал вспоминать фильмы, в которых я снимался. Я с ужасом смотрю на часы, мы сидим уже семь минут, разговора о строительстве цирка нет. Я извинился: «У вас время дорого». «А я уже в отпуске! — отвечает. — Я только из-за цирка пришел». Так разрешились наши мытарства. Я Рыжкова назвал «крестным отцом» нашего цирка. Когда придет к нам, я обязательно выйду в клоунском костюме и спою специально для него. Не потому, что он Председатель Совета Министров, а потому, что он человек, который понял, что значит цирк для Москвы».

К сожалению, на открытии нового цирка я не был. Принимал решение о его строительстве в день отлета в отпуск осенью 1986 года. На открытии тоже не удалось побывать. Был сентябрь 1989-го, моего юбилейного года. Я решил встретить свое 60-летие вне Москвы, и мы всей семьей уехали отдыхать на Валдай. Сотни поздравительных телеграмм получил я тогда от знакомых и незнакомых людей. Но ни одна газета, ни одна программа телевидения не вспомнили об этом. Зато потом у нас и за рубежом появились публикации, которые на полном серьезе утверждали, что известное «купание» будущего Президента России произошло именно на дне рождения у Рыжкова. Далековато же надо было ехать... Налицо — типичный пример геббельсовского стиля пропаганды: ври, не стесняясь! Все равно что-нибудь да останется.

Но я про цирк. Вот так судьба свела меня с замечательным человеком и артистом Юрием Владимировичем

Никулиным. Дружба наша продолжается, и я счастлив, что Старый цирк на Цветном бульваре приносит радость людям и особенно — детям.

Нужно сказать, что кризисные явления в сфере культуры во многом определялись раздуваемыми, опять-таки в политических целях, националистическими настроениями. Тенденции неприкрытого сепаратизма некоторых союзных республик стали проявляться уже с первых шагов работы Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР летом 1989 года. В соответствии с измененной Конституцией 1988 года вновь утвержденный Председатель Совета Министров должен был представить на утверждение структуру Правительства и его персональный состав. Обсуждения, обсуждения без конца. Предсовмина со своими кандидатами на посты министров не сходили с трибуны парламента неделями, отстаивая те или иные позиции и отвечая на массу вопросов.

Все это считалось большим завоеванием демократии при коммунистах. Прошло пять лет, и теперь это выглядит какой-то демократической романтикой. Сейчас, в «демократическое» время, о посещении парламента России некоторыми министрами или тем более — главой Правительства объявляется за несколько недель, это становится чуть ли не сенсацией. Парламентские принципы построения власти остались за порогом октябрьских событий 1993 года.

А в то, «недемократическое» время некоторые республики, особенно прибалтийские, использовали малейшую возможность, чтобы ослабить центральную власть. Действовали они широким фронтом: в экономике, политике, науке, образовании, культуре. Роли у их представителей были заранее распределены — каждый отвечал за свой участок. В качестве примера приведу диалог, состоявшийся в июне 1989 года при рассмотрении структуры Правительства. Речь шла об общесоюзном Министерстве культуры. Некоторые из выступавших были против его создания. Почему это делалось — не трудно догадаться. Итак, отрывок из стенограммы:

«Председательствующий: Товарищ Петерс, пожалуйста.

Петерс Я. Я., писатель, председатель Правления Союза писателей Латвийской ССР, г. Рига, член Верховного Совета СССР:

Товарищ Рыжков... Вы настаиваете на функционировании общесоюзного Министерства культуры параллельно с министерствами культуры каждой суверенной республики. У меня по этому поводу два вопроса:

1. Как в духе современности вы представляете управление национальными культурами из центра? Не получится ли укрощения культурной жизни и поощрения монокультуры в духовной жизни нашего общества?

2. Могут ли в сфере культуры объективно существовать отношения центра и так называемой провинции?

Рыжков Н. И.: «Я в докладе выразил свою точку зрения и сказал, что объективно существовали две позиции. Одна позиция, я не знал, чья она, но я теперь чувствую, что, по-видимому, кто-то из прибалтийских республик высказал, что не надо министерства культуры. И другая, диаметрально противоположная позиция, что нужен даже первый заместитель Председателя Совета Министров СССР по этим вопросам.

Я свою позицию высказал. Она заключается в том, что нам необходимо общесоюзное министерство культуры, которое представляло бы в Правительстве всю гамму культурной жизни нашей страны. Какие у него должны быть функции и будет ли министерство культуры подменять министерства культуры союзных республик? Я думаю, что вообще недопустимо, чтобы министерство культуры насаждало в стране какую-то определенную монокультуру. Это недопустимо в нашем многонациональном государстве. Каждая национальность имеет свою культуру, она должна развиваться и т. д. Это не значит, что надо подменять одно другим. Но я убежден, что недопустима и замкнутость одной культуры. Без общей культуры, которая обогащает каждую национальность мировыми, общесоюзными ценностями, не обойтись. Я убежден, что общесоюзное министерство ни в коем случае не должно оказывать административное или какое-то другое давление на культуру того или иного народа, и в то же время мы должны пользоваться и благами развития общей культуры нашей страны».

Министерство культуры СССР защитили, но его бывший министр В. Г. Захаров стал заложником в этой драке: его не утвердили. Несколько месяцев министерство было без своего главы. Учитывая особую сложность и, если хотите, деликатность, необходимые в работе этого министерства, тем более — во взаимоотношениях с республиками, его руководителем, на мой взгляд, должен был быть очень авторитетный в творческих кругах человек. В конце концов остановились на кандидатуре известного, уважаемого в обществе народного артиста СССР, главного режиссера Театра на Таганке Николая Николаевича Губенко.

В сложное время перемен он имел свою твердую гражданскую позицию художника, защищал ее в средствах массовой информации. Думаю, он не будет иметь ко мне претензий, если я процитирую его слова из одной газетной статьи:

«Ныне кинематограф и театр живут в условиях демократизма, расширяющейся гласности, творческих поисков. Но не все тут, я бы сказал, однозначно. Хватает и перекосов. Вот, скажем, иные авторы или постановщики, едва глотнув воздуха свободы, тут же набросились на темы наркомании, проституции, секса... Конечно, все эти проблемы в жизни существуют, и говорить о них, безусловно, надо. Но как говорить? Во имя чего говорить? Кстати, русская классическая литература особым пуританизмом или ложной мещанской стыдливостью вроде бы тоже не отличалась. Она открыто говорила и о проституции, и о нравственном падении людей. Но делалось это отнюдь не с уклоном в примитивную порнографию, не в угоду дурновкусию, низменным инстинктам, а во имя заострения социальных проблем и воспитания высокой нравственности. Но вот этого — чувства меры, ответственности и глубинности в освещении социальной причинности тех или иных явлений — нам порой и не хватает. Видимо, иным работникам нашей культуры важнее зрительский ажиотаж, дешевая обывательская слава, а не цели искусства по большому счету».

Эту и другие подобные публикации разных авторов я внимательно прочитал, прежде чем предложить пост министра Н. Н. Губенко. И не пожалел об этом. Работал он хорошо, отстаивал в Правительстве интересы культуры неистово. Не забуду одного эпизода. В аппарате Совмина долго отрабатывался проект постановления, связанного с решением насущных проблем развития этой сферы жизни. В тот день проходило заседание Совета Министров СССР. В перерыве подходит ко мне Николай Николаевич и просит подписать готовый документ, так как вечером он проводит совещание с работниками культуры и было бы хорошо ознакомить их с уже принятым решением. Управляющий делами М. С. Шкабардия подтвердил, что оно отработано и может быть выпущено, как говорится, в свет. Документ быстро принесли, и к концу перерыва я его подписал. Каково же было изумление усаживающихся на свои места членов Правительства, когда прямо рядом с моим столом с бумагой в руках министр культуры со счастливым лицом «отбил» великолепную чечетку! И, может быть, впервые в

этом сугубо официальном зале раздались аплодисменты — дружные, неформальные, теплые. В этом поступке — весь Губенко. Мне представляется, что лучшей оценкой его как министра являются слова другого замечательного артиста Леонида Алексеевича Филатова: «Я уверен, что не было лучшего министра культуры в нашей стране, включая Луначарского». На всякий случай напомним, что это было за пять лет до того, как прозвучали схожие слова о лучшем министре обороны России.

Да, тяжелое положение сложилось сейчас в культуре. Самую большую опасность я вижу даже не в том, что здания театров ветшают, новые не строятся, помещения библиотек и музеев занимают коммерческие структуры. Все это можно со временем исправить. Непоправимое же, по крайней мере, для нынешнего молодого поколения, а скорее всего — в какой-то степени и для нескольких следующих, я вижу в сознательном размытии моральных устоев, разрушении нравственных и культурных традиций народа. Сегодня поистине пошлость правит бал. Еще в недавнем прошлом была целостная система воспитания детей и подростков. Пусть даже в ней и были свои недостатки, но молодежь читала Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. Теперь идет массовая пропаганда того, как стать миллионером, сильной личностью, таким доморожденным Рэмбо. Умело маскируя свои подделки, как правило — жалкие, под «духовную раскрепощенность», свободу творчества, нынешние «культуртрегеры» обрушивают на головы молодежи пошлость, культ потребительства и наглой физической силы. Идет массивное наступление на души, на неустоявшуюся детскую и юношескую психику. Некоторые апологеты происходящего видят в этом один из путей рождения нового класса, который на поверку оказывается чуть-чуть припудренным отживающим свой век классом — буржуазией.

Видимо, утренней и вечерней молитвой для новоявленных претендентов на роль властителей дум служат слова:

«Будем вырывать духовные корни коммунизма, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать, таким образом, поколение за поколением, выветривать этот ленинский фанатизм. Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем». Так сказал в 1945 году Аллен У. Даллес, один из идеологов и организаторов «холодной

войны», будущий директор Центрального разведывательного управления США. И если Правительство вкупе с «денежными мешками» подрывают корни материальной жизни народа, то наши идейные хриstopродавцы не менее усердно подрывают корни моральные, духовные.

У моей внучки лежит на столе книга для чтения в 1-м классе. Из нее полностью исчезли разделы: «С чего начинается Родина», «Великая радость — работа», «Наша Армия», «Международный женский день», «День Победы», «Наша Родина». Надо полагать, что и учебники других классов претерпели не меньше изменений.

Идет организованное, тотальное наступление западной масскультуры, имеющее целью довести наших людей до состояния полной бездуховности. А ведь именно высокая духовность на протяжении веков отличала народ России и была основой его нравственности, способности к самопожертвованию «за други своя», за Державу свою. Естественно, что именно такое его качество и необходимо было разрушить в первую очередь. Зарубежные «друзья» стремятся завезти в нашу страну отбросы не только химической и атомной промышленности, но и культуры. Нам навязываются чуждые русскому, российскому национальному сознанию образ жизни, идеалы, представления о добре и зле. В Россию спихивается кино — видеобарахло, не находящее сбыта на рынках стран их производителей. А в это время отечественные нищенствующие профессора и лауреаты международных конкурсов играют на своих инструментах в подземных переходах.

И вот это тот случай, когда не грех бы было нам поучиться у Европы. Там умные люди вовремя поняли, чем грозит чужеродное массированное наступление на национальную культуру, и ввели необходимые защитные меры. Недаром министр культуры Франции А. Мальро — один из самых уважаемых в своей стране, да и далеко за ее пределами, людей. А ведь решения предлагались и Верховному Совету СССР. Но у многих депутатов была, мягко говоря, такая неприязнь ко всему отечественному, советскому, и такое преклонение перед зарубежными идеологами, что сама мысль сохранить в чистоте нравственные и культурные ценности своего народа отвергалась, можно сказать, с порога. А ведь порвется связь времен — и ее уже не восстановишь.

Трагедия нашей творческой интеллигенции в том, что в это сложнейшее для народа время она оказалась разоб-

щенной, раздробленной. Именитые театры делятся. Писательские организации разводятся по национальным квартирам и идеологическим направлениям. Диктуется это не столько различием в творческих взглядах, сколько разным отношением к существующему положению дел в стране и путям возможного выхода из всеобщего кризиса. При этом используются какие-то первобытные методы борьбы: одни изгоняют из помещения бывших коллег, а те носят и сжигают чучела своих противников, устраивают травлю инакомыслящих. Где же право на свободу мнений, их плюрализм, о чем они так громогласно и настойчиво вещали в недалеком прошлом? Прямо как в известной сказке Л. А. Филатова:

Только надобно решить,
Как верней тебя решить:
Канделябром оглушить
Аль подушкой задушить?

Разве не звучали эти мотивы на «спевке» в Бетховенском зале в апреле 1993 года, о которой я уже говорил как о вершине позора российской интеллигенции. Впрочем, и впереди подобных вершин может еще быть немало.

О «блестящих» перспективах наших радетелей Отечества, его культуры, самого народа, можно судить и по следующей взятой ими «высоте». Это было в ноябре 1994 года, но теперь под сводами Георгиевского зала, где традиционно проходили самые торжественные государственные церемонии. Вновь собравшихся мастеров культуры не тревожил разгром державы, крах ее экономики, отчаяние народа, доведенного до нищеты. И на этот раз опять пошла речь об оппозиции — ведь для наших мыслителей нет интеллектуальных преград вроде фактов и логики! — которую тут же приравняли к «русскому фашизму». Снова запугивание, снова настраивание Президента на жесткие силовые действия. Вот тебе и «мастера культуры»!

Заканчивая этот разговор о культуре, подчеркну, что нынешние «реформы» имеют антидуховный характер. Они идейно оскотачивают людей, примитивизируют их нравственность и мораль. Но у общества, не заботящегося о духовном развитии своих граждан, нет будущего.

И, наконец, последний из вопросов, затронутых в этой главе: а может быть, людям все это надо, может быть, у реформ все-таки есть достаточно широкая социальная база?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется не только учесть факт материального и духовного ограбления народа, но и положить на чашу весов его оскорбленное чувство национального достоинства. В последние годы неудовлетворенность положением в мире России и российского народа даст о себе знать все более ощутимым образом. К тому же и собственные, и зарубежные, особенно — заморские орაკулы и политики исподволь, а и иногда и в открытую, сбросив личины друзей России и ее народа, прививают нам комплекс неполноценности, ущербности. Но в наших генах устойчиво, веками хранится и пока не исчезло ощущение принадлежности к великому государству, населяемому великим народом.

Выздоровевшая от псевдodemократического угара Россия займет, конечно, рано или поздно достойное место в мировом сообществе. Но каждый день ее продолжающегося падения в материальную и духовную пропасть делает эту задачу все более сложной. Хотелось бы думать, что она, наша Родина, сумеет реализовать в конце концов ту роль, которая ей уготована самим ее геополитическим положением. Именно на наших исторических евроазиатских пространствах с их уникальными материальными, людскими и духовными ресурсами человечеству в стремительно приближающемся следующем веке предстоит реализовать накопленный интеллектуальный и технологический потенциал Европы, Америки и Азии. Тем самым Россия, если она встанет с колен и выпрямится во весь рост, объективно выдвинется в эпицентр мировой хозяйственной и духовной жизни.

Уходящий век для человечества был особым. Он войдет в его историю как столетие научно-технического прогресса и военно-политического насилия, век обострения социальных противоречий и невиданных по масштабам результатов социальных сдвигов. Именно этот век показал, что эффективное экономическое развитие на базе передовых технологий обязательно должно сочетаться с таким же, если не большим, ростом культуры, образования, нравственности. Иначе оно, человечество, само обрекает себя на гибель в результате экологических, демографических, политических и прочих катастроф, приобретающих действительно глобальный характер. Ученые и политики всех стран постоянно ищут пути выхода из этого тупика цивилизации.

Величайшей в истории попыткой найти решение социальных проблем стала социалистическая революция 1917 года в России. И как бы ныне живущие и те, кто придет

вслед за нами, ни оценивали какие-то моменты в истории создания нового строя в нашей стране, навсегда останется главное: это был поворотный пункт в судьбах человечества, после которого во всем мире началось постепенно нараставшее и происходившее разными путями движение к обществу социальной справедливости.

Перестройка в 85—91 годах была нацелена на достижение благородной цели — вернуть социализму присущую ему глубоко гуманистическую природу. Из-за предательства руководителей, принадлежавших к партийной элите, она оказалась не осуществленной, а ее последствия — трагичными и для людей, и для государства.

В постперестроечное время новые руководители страны, точнее — того, что от нее осталось, долго боялись открыто обозначить свои цели. И только после того, как они заставили миллионы людей свести свои интересы к ежедневной борьбе за существование, когда удалось зомбировать их сознание, они провозгласили курс на реставрацию капитализма, раскол общества на богатей и нищих, на эксплуататоров и эксплуатируемых. На 75-м году Советской власти поиск путей достижения социальной справедливости был искусственно прерван, и в России совершилась буржуазная контрреволюция.

Исторически она бесперспективна, ибо во всех, даже самых развитых, странах нарастают элементы социалистического характера в экономике, сфере управления, в социальных отношениях и т. д. Думаю, что у курса на капитализацию, тем более — оголтелую, примитивную, разрушительную, нет и сравнительно близкой перспективы.

Все больше людей понимают, что под флагом «светлого рыночного будущего» скрывается строй, где немногие будут царствовать над многими, где богатство первых будет расти за счет обнищания вторых. Вот почему растет негативное отношение населения к навязываемым ему «реформам», которые поддерживаются ныне менее чем десятой частью россиян. Таким образом, социальная база этих псевдореформ тает все сильнее, и при подобном соотношении их сторонников и противников речь может идти только о разрастающемся в стране политическом кризисе и созревающем социальном взрыве.